

Валерий Тимофеев

Сыщик Гош

Валерий Тимофеев

Сыщик Гош. Первое дело

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Сыщик Гош. Первое дело / В. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833110-7

«Сыщик Гош» — третья книга сериала «Подпольные мужички». Придуманные, по воле автора они стали его незаменимыми помощниками. В этой книге главный герой — Гош, избравший для себя нелегкую профессию сыщика. Ему предстоит бороться с ворами и жуликами. Одному трудно, он создает партизанский отряд. Пусть теперь дрожат его враги: Лапша и Мокрый, Вешалка, Купец и другие. В серию сказок входят пять книг: «Подпольные мужички», «Фирма «Лэн и Лэна», «Сыщик Гош», «Солнцепровод» и «Верхом на комете».

ISBN 978-5-44-833110-7

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Любого гостя потчуют хлебом да молоком, а нелюбого – пивом да табаком	8
Глава первая На «малине»	13
Глава вторая Купец	25
Глава третья Первый день войны	36
Глава четвертая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сыщик Гош
Первое дело
Валерий Тимофеев

© Валерий Тимофеев, 2016

Иллюстратор Родион Танаев

ISBN 978-5-4483-3110-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В предыдущей сказке «Подпольные мужички¹» мы рассказывали о том, как два друга, Гош и Сав, обнаружили воров, промышленяющих грабежом квартир честных граждан. На месте преступления обезвредить жуликов не удалось, слишком неравны были силы. И потому Гош, рискуя собственной жизнью ради торжества справедливости, решил отправиться в логово коварного врага и пропал.

От Гоша уже второй месяц не было ни слуху, ни духу. Мы страшно волновались, мечтали получить хоть самое малюсенькое известие о своем героическом друге. И, даже в какой-то момент, потеряли всякую надежду на встречу с ним.

– Где он?

– Живой или нет? – задавались каждодневно вопросами, все-таки не на курорт уехал.

Наконец, в наш дом постучался настоящий почтальон и принес долгожданную телеграмма:

**«ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ЗПТ ВЕЩИ ВОЗВРАЩЕНЫ ТЧК ЖУЛИКИ ОБЕЗВРЕЖЕНЫ ЗПТ
ЧИТАЙТЕ ОБО МНЕ В ГАЗЕТАХ ПРИВЕТ ЗПТ
СЫЩИК ГОШ ТЧК»**

Телеграмма в несколько скупых строчек обо всем не расскажет. Обо всем рассказывать в ней и места не хватит. Главное, что мы поняли из этого короткого послания – наш друг жив!

По совету Гоша кинулись в библиотеку, перелистали гору газет. Но в газетах написано даже меньше, чем в телеграмме. То есть там вообще про нашего Гоша ничего не написано.

«Раскрыта организованная группа квартирных воров. Преступники предстанут перед судом».

И все.

А как раскрыта, кем раскрыта? Чья заслуга? И есть ли жертвы с одной или со всех сторон? Об этом ни слова, ни полслова. Не надо нам знать или не хотят понапрасну беспокоить? Или Гош стал суперсекретным агентом, по-иностранному, шпионом, и про него можно будет говорить вслух и писать в книгах только лет через сто после его смерти?

Газеты вообще не пестрят уголовной хроникой, как будто нет у нас уголовного мира и преступников. А зачем тогда милиция? С кем она борется? Сама с собой? Или с собственным беззащитным народом?

Кто-то, пожалуй, так и думает.

И отважных разведчиков с дерзкими шпионами, и умных следователей с неподкупными прокурорами у нас нет, потому как не рассказывают ни о них, ни о их тяжелой и необходимой работе. А посмотрите, какой популярностью пользуются любые книги, где хоть словом об этих людях написано. Я уже не говорю про сыщиков. Мы привыкли считать, что профессия эта вымерла при царе Горохе или упразднена революцией. А она есть.

И отважных разведчиков с дерзкими шпионами, и умных следователей с неподкупными прокурорами у нас нет, потому как не рассказывают ни о них, ни о их тяжелой и необходимой работе. А посмотрите, какой популярностью пользуются любые книги, где хоть словом

¹ См. сказку «ПОДПОЛЬНЫЕ МУЖИЧКИ», Магнитогорск, 1998, 2005 г.г.

об этих людях написано. Я уже не говорю про сыщиков. Мы привыкли считать, что профессия эта вымерла при царе Горохе или упразднена революцией. А она есть.

Об одном из них – смелом до отчаянности, находчивом до удачливости – сыщике Гоше и пойдет речь в этой сказочной истории.

Повествование начинается с того момента, когда Сав и Гош расстались «и, быть может, навсегда...»

А сначала вспомним одну из последних глав сказки «Подпольные мужички», которая и послужила поводом для написания данной книги.

Любого гостя потчуют хлебом да молоком, а нелюбого – пивом да табаком

Утром наш дом затихал. Обитатели его расходились по делам, а дел хватало всем – и малым, и великим: у кого работа, у кого учеба, а некоторые, человек тринадцать или больше, уносились или уводились в детские сады, детские ясли или просто на прогулку в сквер.

Подпольные мужички маялись от безделья.

– Хорошо жить в многоквартирном доме, – подперев рукой щеку, мечтательно рассуждал Гош.

– Очень хорошо, – поддерживал разговор словоохотливый Сав.

– Бывают острова необитаемые.

– Ага, бывают. Читал про такие.

– Бывают планеты необитаемые.

– Ух ты! Где?

Гош не хотел прерываться в своих рассуждениях, пропускал реплики Сава мимо ушей.

– Оказывается и квартиры необитаемые бывают, – выдал он главную мысль.

Сав подумал – подумал, соображая, о чем говорит друг? – догадался и радостно запрыгал на подоконнике.

– Даже не квартиры, а целые стоквартирные дома, – поправил он. – А комнат в них! Полным-полно! И даже еще больше!

– В музыкальном доме тоже много комнат, но там в каждой свои подпольные мужички живут. Можно, конечно, ходить из комнаты в комнату, никто тебе не запрещает. Но только ходишь как будто в гости. Пришел, посидел, песни послушал или попел, и уходи – а что поделаешь, хозяевам отдыхать надо.

– Иногда так не хочется уходить, – с сожалением сказал Сав. – Но что делать? Хорош тот гость, который редко ходит.

– Правильно говоришь. Зато в нашем доме нас всего двое – ты да я. В какую квартиру или комнату не пришли, везде мы как хозяева.

– У писательской дочке нам работы настоящей нет.

– Это точно, нет.

– Вообще-то есть... немного.

– Вообще-то есть, – охотно согласился Гош. – Только это не работа, а так, один отдых.

Гош

– Мы не за отдыхом шли.

– Знамо дело, не за отдыхом. Давай, Сав, походим, чего-нибудь поищем. Дом у нас большой, может в какой квартире настоящее дело найдем?

– Как у Ката, например?

– Может и как у Ката. Неужели во всем нашем доме такой же девчонки или такого же мальчишки не сыщется?

– Да ну! Обязательно сыщется, – пообещал Сав.

– И я так думаю.

– От сказочника уходить будем?

– Посмотрим, – сказал Гош.

– Что-то не хочется, – погрустнул Сав.

– Может мы и не уйдем! Может мы сразу над всеми детьми этого дома шефство возьмем. А здесь у нас будет штаб-квартира. Мы писателю о себе рассказывать станем, он от Ката с Лэном приветы нам приносить будет. Так и заживем.

– Вот где поле для деятельности! Сразу очередь на сколько уменьшится!

– На целый дом!

– Мы вдвоем сто квартир обслуживаем. Кат и Лэн тоже в одном доме живут, только в разных квартирах. Узнают о нашей задумке и вдруг тоже так работать будут.

И друзья отправились в обход. Квартира за квартирой изучали жильцов, познакомились с детворой, составляли именные карточки – где кто в какой помощи нуждается. А иначе нельзя! Вдруг перепутаешь и получится не помощь, а самое настоящее вредительство.

Скоро Гош и Сав знали не только наших соседей, но и всех жильцов дома. Они узнавали людей по внешнему виду и по голосам, так же, как узнаем всех мы. Но лучше всего у них

получалось узнавать по звуку шагов. Такая особенность развита у всех подпольных мужичков. По шагам даже удобнее узнавать – не надо всякий раз выглядывать. Да и в темноте удобно, или когда молчит человек – как еще узнаешь? А они – запросто.

Полюбили Гош и Сав сидеть у окна где-нибудь на верхнем этаже и наблюдать за жизнью во дворе. Деды в домино играют – даже здесь стук костяшек по столу слышен: бабушки внучат сторожат, а внучата с качели на карусель, с карусели на лесенку. Ни секунды на месте не стоят, за ними глаз да глаз нужен. Иногда гармонист на балкон выйдет и тихонько так песню заведет, а бабушки вострепнутся, спины старые распрямят и сидят – слушают да ножками притопывают.

*У ворот, ворот широких
Зелена сосна расшумелася,
Расшумелася, расшаталася,
Наша Дунюшка расплясалася.
Расплясалась, разыгралась.
У ворот парень стоял, усмехался,
Усмехался, улыбался.
«Играй, Дунюшка, играй, любюшка.
Как понравилась добру молодцу,
За себя возьми, сарафан сошью.»*

Пойдет песня по двору, а детишки притихнут, головки на сторону повернут и слушают. А деды костяшками не стучат, осторожненько одну к другой приставляют – боятся песню спугнуть.

А еще забава у мужичков появилась – гадать, кто в какой подъезд идет и в какой квартире живет.

– Вова из школы возвращается, – первым замечает Сав. – Смотри, не успеет портфель дома оставить и галстук снять, как вновь на улицу выбежит.

– С чего ты взял? Он же самый домоседистый домосед в нашем доме. Любого древнего старика пересидит.

– Я ему хитрую записку написал, – ухмыляется Сав.

– А вон Антошку папа из садика ведет. Папа его ведет и папа же Антошкин портфель несет – Антон в нулевом классе учится. Опять чем-то недоволен. Видишь? Нос сморщил и буквой-закорюкой смотрит.

– Ничего, скоро и с ним разберемся. Уже прибираться научился и с мамой не дерется.

– Хорошая у нас работа, Сав.

– Да, – соглашается Сав. – А самое главное – нужная у нас работа.

– И смешная.

– В чем смешная-то?

– Взрослые ничего понять не могут – что с их детьми происходит? Одни температуру меряют, другие в школу бегут – не натворили ли что-нибудь их чада? Смехотища! Мамы воспитателей в садиках благодарят, воспитатели мам и пап нахваливают. И ни те, ни другие понять не могут – за что им такие похвалы? Нет, что не говори, а сказочник хитро придумал.

– Ну да, – Сав понимает, о чем ведет речь Гош. – Мы-то сначала думали – это мы сами догадались идти в люди и детей перевоспитывать, а теперь видим – он нарочно так разговор повел, специально Лесю и Катю при нас выспрашивал, чтобы мы и не смогли поступить по-другому.

– Зря я на него ворчал, – признался Гош.

– Ты, Гош, того, не расстраивайся. Он мужик свой, без загибов, зла не помнит и сердце не держит. Мне кажется – он давно все понял и на тебя не сердится. Он и сердиться-то не умеет.

– Да ну!

– Точно, точно! Приглядишься получше!

– Я уже пригляделся, – расплылся в улыбке Гош. – И давно заметил. Думал – я один это заметил или кто еще?

– И я заметил, – сказал Сав.

– Я сначала все ждал – вот-вот привяжется ко мне за прошлые ворчания. А он хоть бы что, как и не помнит вовсе. – Гош рассказывал, а сам, подперев голову рукой, мечтательно смотрел на облака.

– Гош, очнись, – подтолкнул его Сав. – У нас гости!

– Где?

– А вон в третий подъезд заходят.

– К кому они?

– Не знаю, я их в первый раз вижу.

– Пойдем, посмотрим?

– Пойдем!

Они побежали. Пока перейдешь из подъезда в подъезд, пока спустишься с этажа на этаж, сколько времени пройдет. Да еще квартиру нужную отыскать надо.

Наконец пришли.

– Гош, чего это они? Хозяев в доме нет, а гости в квартире. Как они попали? Кто их пустил?

Гош тронул друга за рукав и приложил палец к губам.

Он наблюдал.

– Ты думаешь, это?.. – шепотом спросил Сав.

– Я вижу, – уверенно ответил Гош.

Мужчина и женщина, оба в черных очках и в тонких резиновых перчатках, рылись в шкафах, ящиках, шкатулках. Они искали что-то, а найдя, прятали в огромные сумки, стоящие у их ног. Ненужные вещи они не убрали на место, а бросали тут же на пол и топтались по ним.

– Это кто тут расхозяйничался? – спросил Сав как можно громче.

Услышав голос, явно обращенный к ним, мужчина и женщина разом прекратили рыться и резко присели. Они повернули головы, посмотрели друг на друга расширившимися от страха глазами, вздохнули и сникли.

– Не видишь разве? – еще больше пугал их Гош. – Воры это. Забрались в чужую квартиру и воруют!

– А мы что же? Так и будем на них смотреть? – спрашивал Сав.

– Вот еще! Велико удовольствие на воров смотреть! Что они из зоопарка, или из цирка?

– Нет, в зоопарке таких страшных не держат.

– Надо их в милицию сдать, там знают, что с такими делать, – предложил Гош.

– Давай свяжем. Пока милиция приедет, они сбежать могут.

– Через окно бежать – и высоко, и соседи увидят, – предупреждал воров Гош. – А дверь я на оба замка закрыл и Ивана Петровича с дубинкой с той стороны поставил. Даже если сумеют замки открыть и в коридор выйти, дубинка Ивана Петровича их р-раз и поцелует по лбу. Ох и крепко она целует! Не враз очухаешься!

Сав слушал и удивлялся – и где Гош так трепаться научился? Ивана Петровича приплел, дубинку какую-то... Но все к месту. Воры сначала хотели сбежать, но послушали Гоша и покорно взметнули руки вверх.

– Сдаемся! – сказал мужчина.

– Не надо целовать нас с дубинкой! – взмолилась женщина.

Они стояли и вертели головами, искали – кому же можно добровольно сдаться. Что такое? Голоса слышали рядом, а никого нет! Постояли, осмелели и кинулись осматривать квартиру. Даже за диван заглядывали – никого нет.

Немного успокоились, но настроение воровать пропало. Подхватили сумки и к двери. И тут опять голоса.

– Смотри, Гош, перепугались. Значит, боятся. Страшно, небось, по чужим квартирам лазить?

– Страшно, – созналась женщина.

– Попробуй, узнаешь, – буркнул мужчина, опасливо озираясь.

– Все верно. На воре и шапка горит. Не зря так говорится. Сав, по-моему этот, в полосатом пиджаке который, главарь шайки. Его давно разыскивают.

– Надо зафотографировать и милиции подарить. Они по фотороботу ищут, а фоторобот это не фотография, по нему и не узнаешь такого.

– Нет, я милиции отдавать не буду. Я его на столбе повешу.

– Кого повесишь? Главаря шайки? – переспросил Сав.

Мужчина, услышав эти слова, задрожал.

– Нет, что ты, Сав, я же не палач! Его фотографию повешу. На каждом столбе. Пусть всякий видит и пальцем показывает. «Вор! Вор! Держи его!» – Гош разошелся и его невозможно было остановить. – Эй ты! Повернись-ка лицом. И очки сними. Да не прячься! Я тебя все равно вижу! И тетку свою рядом поставь. Ну не стесняйся, обними ее за плечи. Вы вдвоем оч-чень хорошо смотрите. Два сапога – пара!

Воры больше не могли терпеть подобного издевательства. Уж лучше дубинкой по лбу и все ясно, чем погибать в неизвестности. Они подхватили сумки и, прижимаясь к стенке, двинулись на выход.

– Эй! Куда же вы! Я всего один раз сфотографировал! И милиция еще не подъехала, такси к подъезду не подала! Ах, не хотите ждать? Торопитесь на деловое свидание? Ну ладно, идите. Мы их к вам на дом подошлем. Адрес у нас есть. А вещички вы оставьте! Они не ваши!

Воры сумки не бросили. За дверью их никто не встретил с дубинкой и они, вздохнув облегченно, медленно пошли вниз.

– Вот неудача, – расстроился Гош. – Где-то не доиграл. Так старался и все зазря. Придется за ними бежать.

– Не догонишь, – остановил друга Сав. – Они сейчас как рванут, только пятки засверкают.

– Нет, Сав, ничего ты в психологии преступника не понимаешь, – со знанием дела объяснял Гош. – Они по улице тихим шагом пойдут. Им бежать никак нельзя. Бежать для вора последнее дело, бегущий человек сразу подозрение вызовет. Ты, Сав, – Гош остановился, сказал дрогнувшим голосом, – писателю скажи – я ушел жуликов ловить. Сыщиком буду. Пусть не расстраивается, я детективы читал, знаю, как сыщиком работать.

– А я как же? Меня не возьмешь с собой?

– Нет, Сав. В этом доме еще не вся работа сделана. Ты теперь и один с ней справишься. А я... я, может, этого дня всю жизнь ждал. Вот и дождался... Если что...

– Но-но! И думать об этом не смей!

– Читайте обо мне в газетах, – сказал Гош и обнял Сава. – Прощай, друг.

– Прощай, Гош!

И Сав остался на весь дом один.

Глава первая На «малине»

Воры вышли из подъезда и двинулись по дорожке профессионально отработанным неспешным шагом. Они негромко переговаривались и улыбались друг другу.

Скажи постороннему человеку:

«Вон идут квартирные воры!»

Он закрутит головой, сверля глазами лица прохожих: – «Где? Которые?» И заподозрит любого другого, но только не этих хорошо одетых, беззаботно беседующих мужчину и женщину, пусть и несущих большие сумки. Они скорее походили на счастливую семейную пару, которая уезжает на отдых к морю, или направляется навестить любимых родителей в деревне.

Гош выглянул в раскрытую дверь подъезда и обрадовался: не тому, что воры безнаказанно гуляют на свободе, – такое у нас сплошь и рядом происходит, – а тому, что эти двое от него недалеко ушли.

– О, голубчики вы мои, – прошептал он и почувствовал, как у него зачесались ладони, особенно правая, у которой кулак покрепче.

Поглощенный азартом преследования, он начисто забыл о тех неудачах, которые несколько минут назад выпали на его долю и позволили жуликам уйти из осажденной квартиры. Ему казалось, что вот теперь-то он непременно расправится с ворами. Еще чуть-чуть

и загонит их в угол. А потом заставит паниковать, раскаиваться, просить пощады. И сделает еще много чего, возвышающего его ловкость и умение, и умаляющего силу, ловкость и умение другой стороны.

Эйфория охватила его, прямо закружила на волнах самодовольства. И день оказался необычайно счастливым, и солнце особенно ярким, и травка щекочуще нежной. Разве что песню Гош не орал, – хватило ума не привлекать к своей особе лишнего внимания.

– Попадётся на мой крючок, – шептал сладкие слова. – День, когда вы встретили на пути сыщика Гоша, будет самым черным днем в вашей жизни! Это я вам обещаю! Ох, и что я с вами сделаю?! И в какой бараний рог я вас согну!

В конце мая кусты уже оделись молодой листвой, трава вымахала выше его головы. Гошу запросто пробраться за жуликами незамеченным, – словно мышь в траве прошелестела. Обогнал их у перекрестка и, раздвинув податливые ветки, наблюдал, куда они теперь повернут.

Все так же улыбаясь друг другу, воры прошли открытое пространство и свернули на узкую дорожку за высотным домом. И здесь их словно подменили. Мужчина взглянул на часы и нарочно громко сказал:

– Лапша, – сказал он, явно работая на публику, – прибавь-ка шагу, дорогая! На поезд опаздываем!

– Побежали! – в унисон поддакнула подруга, давно ожидавшая этих спасительных слов. И первой бросилась наутек.

Гошу некогда размышлять о причинах перемен в настроении воров, да еще гадать про невесту откуда взявшийся поезд. Он понял одно – медлить дальше нельзя. Выскочил на тротуар, едва не попав под колеса, то есть под каблуки жуликов, уцепился за сумку и, раздирая в кровь пальцы, сумел забраться внутрь.

Сверху лежала сворованная норковая шуба. На такой мягкой постели он давно не лежал. Если честно, то вообще никогда не лежал, а потому, без церемоний расположился на толстом меху.

Кругом темнота, но не она пугала Гоша. Его уносили в неизвестность. И к этому сыщик был готов. А вот к чему он готов не был, так это к штормовой качке.

Воры бежали наперегонки, сумки в их руках летали, как шляпка в океанских просторах. Гош сразу же заболел любимой болезнью морских путешественников – мореплавательной, или, попросту говоря, трясучкой. Его тошнило, мутило, куда-то плыла голова, а руки и ноги из соломенных вмиг стали ватными и ни за что не хотели слушаться своего хозяина.

– Ах, я, торопыга, – ругал он себя последними словами, которые еще остались в его «укачанной» памяти, – пошел в сыщики, а подготовку специальную не прошел. Думал – все так просто? Это только в кино, что ни вор, то дурак или пьяница. Ворует лишь для того, чтобы попадаться. Простачок типа «украл, выпил – в тюрьму». В жизни вор – профессор своего дела, мастер воровского спорта и доктор психологии. Не зря воров вокруг нас все больше становится. Борются с ними и власть, и милиция, и никак побороть не могут. А почему? – спросите вы. Во-первых, разный у воров и у борцов с ними уровень интеллекта и, зачастую, не в пользу последних. А во-вторых, и сама власть такая вороватая, только пример подает.

Нет, с этой воровской братией бороться безоружным никак нельзя. Знание и сила, ловкость и хитрость великие нужны. Быть глупее их – значит, заведомо проиграть.

– Решено, – сказал себе Гош. – Если только останусь живым после этой свистопляски, я отброшу все ложные портреты, которые нарисовали для меня книги и кинофильмы. Буду изучать воровскую жизнь изнутри, без всяких приукрашиваний. И сразу же возьмусь за себя: начну готовиться к любым неожиданностям, к любым перегрузкам, как готовятся к ним летчики, или водолазы, или космонавты. И приемы изучу – самбо, каратэ, у-шу или что там еще?

Гош надавал бы себе еще не одну кучу разных обещаний, принял к исполнению несчетное количество невыполнимых и за сто лет заданий, но тряска вовремя кончилась. Вместе с тряской закончились и его мучения – тошнота, головокружение. И почти сразу забылись обещания, которые он так щедро разбрасывал и направо, и налево.

Воры добежали до главного проспекта, взяли такси и поехали на «малину».

Гош не мог не отметить мастерства и осторожности Мокрого. Тот не сказал водителю домашнего адреса, бросил коротко: – На площадь «Мира». Занял место на заднем сидении за водителем и за всю дорогу не произнес ни слова.

Такси остановилось, жулики вышли, прошли неспешно одну остановку. Поймали следующее такси.

Теперь путь их лежал на Центральный рынок. Они прогулялись немного, затерялись во всегдашней рыночной толкучке, вышли на задворках. И только третья машина повезла их к заветной «малине». И даже на этот раз Мокрый не поленился расстаться с водителем за целый квартал от дома.

– Зачем такие предосторожности? – спросила Лапша. – Ты думаешь, за нами...

– Береженого бог бережет, – не дал договорить ей Мокрый. – А что я думаю, – не твое собачье дело!

Сказал негромко, беззлобно, и Лапша даже не обиделась, видать, привыкла к такому ласковому общению.

Малина – это не всегда ягода. Так на воровском языке называется квартира или дом, где жулики прячут наворованное добро. Или прячутся от милиции сами, когда приходит тревожное время и нужно срочно лечь на дно².

Куда Гоша везли, из сумки не увидишь. Потому что сумка где? А в багажнике! Мотор ревел долго, машина поочередно кидалась то в правый поворот, то в левый. Ехала и в гору и под гору, стояла на светофорах.

Гош сначала считал повороты, загибал пальцы правой и левой руки, а потом сообразил – город он совсем не знает. Что толку пытаться запомнить количество поворотов? Даже и видел бы он мелькающие дома и перекрестки, все равно не узнал бы – где сейчас находится.

– Сыщику надо город как свои пять пальцев знать, – сделал он еще один правильный вывод.

Потом воры поднимались по лестнице – сначала четыре ступени, потом девять, девять и еще три раза по девять. Повернулся ключ, щелкнул замок, скрипнул засов. Наконец, сумку поставили на пол.

– Слава Богу, дома, – услышал Гош запыхавшийся женский голос и удаляющиеся от сумки шаги.

– Не знаю, как тебе, Лапшичка, мне до сих пор кажется, что нас кто-то преследует, – признавался мужской, – так и хочется оглянуться и побежать,

Гош немного расстегнул замок и одним глазком выглянул наружу.

Квартира как квартира – полно таких видел. Стандартная стенка с посудой и книгами. Полированный стол без скатерти, а на нем ваза с букетиком выгоревших на солнце бумажных цветов. Диван, укрытый ярким покрывалом. На полу ковер, на тумбе ящик телевизора. И прикрытая дверь в спальню.

Просто и чистенько. Совсем на воровскую малину не похоже. Нет выставленной вдоль стены батареи пустых винных и водочных бутылок. Нет горы окурков в грязной пепельнице, папирос «Беломорканал», потушенных в банке со шпротами. Тараканов, утонувших в остатках вина в заляпанном стакане. И уж тем более пьяных и синих от татуировок жуликов, валяющихся пачками по загаженным углам.

Лапша поставила на газ чайник, громынула кастрюлей.

– Ты, Мокренький, устал, – заботливо, как ребенка, пожалела она. Вернулась в комнату и по-хозяйски расселась в кресле. Гошу видны только ее ноги. – Нервы у тебя с перепуга шалят. Надо подлечиться, тогда ничего казаться не будет.

² Лечь на дно – затаиться после совершения преступления.

– Кому подлечиться? Мне? – сердито фыркнул Мокрый. Он вытянул худую шею и прищурил глаза – так обидел его пренебрежительный тон женщины.

– Тебе, тебе, – подтвердила воровка.

– Да ты... да я ... – не мог подыскать достойного ответа Мокрый.

– Ой, не могу! – рассмеялась ни с того, ни с сего Лапша. – Как вспомню, ха-ха, как ты повернулся с поднятыми руками: «Сдаемся!» Ха-ха! А кому сдаемся? Никого нет! Только ты да я. Ха-ха-ха! Я Жмоту расскажу, он умрет со смеху!

– Лапша! – осерчал Мокрый. – Я тебя на дело больше не возьму! – пригрозил Мокрый. – Я тебе процент с наvara сбавлю! – раскинул пальцы веером Мокрый. – С тобой век удачи не видать! – подцепил ногтем золотой зуб Мокрый.

Лапшу на испуг не возьмешь, она привычна к таким выходкам напарника. Любит он из себя главного строить. Думает, если мужик, так он впереди планеты всей и ему все позволено? Дудки! Кто из них главнее, – еще вопрос. Лапша умнее, это для нее бесспорно. То, что она дает Мокрому возможность командовать и верить, что он лидер в их банде, так это не больше, чем женская хитрость. Она хорошо знает – дашь мужику почувствовать себя главным, самолюбие его потешишь, уверенности в него вольешь, и получай прибыль. При таком раскладе выгоды намного больше, чем на рожон лезть и свое «я» выставлять где надо и где не надо. Угрозы Мокрого ее только насмешили.

– Да ты... что ты без меня? – только и улыбнулась она, но вслух говорить не стала.

Гош слушал перебранку воров как веселый спектакль и посмеивался. Какие же они смешные! Каждый из себя что-то строит. Тот главный, а эта еще главнее. Самое время подразнить их. Даже язык зачесался. Как это, он, Гош, да не вставит свое веское слово?

Сложив ладони рупором, набрал полную грудь воздуха.

– Правильно, Мокренький, – похвалил он, – не бери ее больше. Не женское это дело – воровать. Ты для нее стараешься, на риск идешь. А она – что? Она за твоей спиной прячется, ничем не рискует, и еще имеет наглость над тобой, своим кормильцем, насмехаться!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Воров словно подменили.

Лапша выскочила из кресла, будто ее пружиной катапультной подкинули. Еще секунду назад уверенная до наглости, гордая своим умом, она густо покраснела, как переспевший помидор. У нее затряслись руки и подкосились ноги.

А Мокрый, в отличие от нее, побледнел, как будто его мордой лица в ведро с известью окунули. Он врос ногами в пол, лоб его покрылся крупными капельками пота, руки непроизвольно поползли вверх – опять сдаваться.

– Ты слышала? – переспросил он враз пересохшими губами.

– Кто здесь? – прошептала потускневшим голосом Лапша.

– Кто, кто! А никто! И в пальто! Это я, сыщик Гош – гроза всех бандитов, жуликов и расхитителей, пришел сказать вам, что ваша бандитская песенка спета!

Сказал бы и хватит, пусть подумают и правильное решение примут. Но нет, мало нам, надо до смерти запугать, надо последнюю волю убить. Ну, никакого чувства меры у начинающего сыщика.

– Самое лучшее для вас, – продолжал вдохновенно, – немедленная явка с повинной! Обещаю попросить народный суд смягчить вам наказание. Всего-то лет по пятнадцать каждому попариться на отдельных нарах, думаю, этого вполне хватит за ваши прегрешения.

Гош так увлекся своими угрозами, что проговорил слишком долго, и его, конечно же, запеленговали.

Мокрый и Лапша перестали бесцельно вертеть головами. Теперь они во все глаза смотрели на одну из принесенных с дела сумок. У них уже не было никакого сомнения – страшный голос раздавался оттуда.

– Жучка³ посадили! – первым сообразил Мокрый. Столбняк его как ветром сдуло.

– Уверен?

– На все сто! – провел большим пальцем по горлу, – сейчас я его найду!

Он вытряхнул из сумки на пол все содержимое и принялся осматривать вещи одну за другой, выискивая электронное шпионское приспособление.

Еще чуть-чуть, и Мокрый дойдет до Гоша. Начинающий сыщик проворно заполз в рукав шубы.

«Неужели это конец? – с горечью подумал он. Скупая мужская слеза приготовилась оплакивать своего хозяина. – Я только начал работать и такой бесславный финал. Сав, прости меня...»

Решение созрело в тот момент, когда клешня Мокрого нащупала в рукаве шубы сыщика и вцепилась в его ногу. Гош просто перестал дышать. От страха он это сделал или по умыслу – не будем придирааться к мелочам. Главное, что сделал это Гош вовремя.

– Тебе делать нечего? – вор поднял глаза на Лапшу. – В куклы поиграть захотела?

– О чем ты?

³ Жучок – секретное электронное приспособление всех разведок мира. Применяют для подслушивания и записи чужих разговоров, выведывания секретов и тайн.

- Зачем это пугало взяла?
– Я его в первый раз вижу! – огрызнулась Лапша.
– Не вешай мне лапшу на уши! Раскалывайся, зачем притащила? – наседали Мокрый. Он отыгрывался за недавно перенесенный страх.
– Чего ты волну гонишь⁴? – Лапша была не робкого десятка. – Ты меня, Мокрый, на испуг не бери и горбатого мне тут не лепи⁵! Он не в моей, он в твоей сумке отыскался! Тебе и ответ держать.

⁴ Гнать волну – наезжать на собеседника.

⁵ Лепить горбатого – возносить понапраслину.

– И правда, – легко согласился Мокрый. Он повертел Гоша и так, и эдак, послушал и понюхал, встряхнул и надавил на живот, но ничего подозрительного не обнаружил. – Чучело дореволюционное, – сделал он почти правильный вывод, – ему сто лет в субботу. Кто таким сейчас играет?

– В шубе лежало? – переспросила Лапша.

– Ага, – утвердительно ответил Мокрый, – в рукаве пряталось.

– Может, это средство от моли? – предположила воровка. – мех от порчи оберегает?

– Ну да, нафталин четвертого поколения, – фыркнул Мокрый. – Ловит моль и зубами крылья ей отгрызает!

– А вдруг это подарок любимой бабушки? – пошла дальше Лапша. Ее неожиданно заинтересовала странная игрушка. – Не очень-то она вяжется с современной обстановкой квартиры, которую мы обчистили, – задумалась Лапша и почесала за ухом. Тут что-то не так...

– Ох, какая ты умная! – издевался Мокрый. – Скажи еще, что в животе у нее драгоценности на сто миллионов защиты.

– А что? – встрепенулась воровка, – хорошая идея! Может и защиты! Я бы не отказалась найти там побрякушек даже на один зелененький миллион. Заживем по-королевски! И воровать больше не надо будет!

– Неси нож, проверим, – загорелись глаза Мокрого.

Гош порядком струхнул: сейчас его начнут резать, искать в животе несуществующие золото и бриллианты. Он уже собрался чистосердечно признаться, что пуст изнутри и беден снаружи.

Лапша выхватила тряпичную игрушку из рук Мокрого. Нежные женские пальчики сновисто ощупали мужичка сантиметр за сантиметром, потрясли, понюхали.

– Полусгнившая вата и труха, – вот какие там драгоценности, – отрезала Лапша. Она не любила, когда напарник говорил с ней приказным тоном. – Что ты время зря теряешь? «Жучка» ищи, а чучело это выброси, и весь сказ!

Мокрый подкинул Гоша на ладони, словно взвешивая, размахнулся и бросил в открытую форточку.

Если бы он попал, Гошу точно пришел бы конец. Этаж-то пятый!

Гош закрыл глаза – сейчас его маленькое тело скорострельной пулей впечатается в оконное стекло. Разлетятся блестящие осколки и один, самый острый, обязательно в сердце вопьется.

Но вор промахнулся.

От смерти Гоша спасла штора: она мягко приняла мужичка в свои объятия, прогнулась пружинисто. Как по горке, Гош съехал по ней на пол. Приоткрыл один глаз, ощупал себя – живой!

Воры склонились над рассыпанными по полу вещами – ищут «жучка», им до Гоша дела нет. Самое время замаскироваться.

И сыщик привычно удрал под пол, где сразу же почувствовал себя в полной безопасности и смог перевести дух.

Глава вторая Купец

Мокрый раз пять перепроверил все вещи, ощупал и обнюхал их. Каждый шов, каждую пуговицу, каждую заклепку. Но никакого «жучка» в наворованных вещах так и не обнаружил. Однако, страх не проходил. В отличие от жучка страх даже не считал нужным прятаться, нагло заполнил все боязливое существо и вора и воровки

– Надо быстрее сплавить это барахло, – прошептал он присмирившей Лапше. – От его присутствия в нашем доме я себя неуютно чувствую.

– Правильно говоришь, – поддержала воровка. – Я так считаю, – склонилась к голове Мокрого. – За любую цену отдай, только с глаз его долой. Я уже своей тени бояться начинаю.

– Жуть какая!

– Словно я полностью раздета, и даже вся кожа с меня снята...

Да ты что!

– А вот то! – продолжала шептать на ухо Мокрому Лапша. – Стою, как изучаемый экспонат, перед любопытными студентами медицинского института. Они меня без рентгена насквозь видят, вслух обсуждают и вот-вот по живому резать начнут.

– И у меня все поджилки трясутся, – признался Мокрый.

– Ну, и чего тогда расселся?

– А что я делать должен? – негромко огрызнулся вор. – Прыгать?

– Зачем прыгать! – округлила глаза Лапша и покрутила пальцем у виска. – С катушек поехал? Барыгам звони!

– Кому, как считаешь? – спросил угодливо.

– Да хоть кому! Главное, чтобы живые деньги на кармане были и вопросов поменьше задавал.

– Ну... это... я, пожалуй, позвоню Жмоту, – сказал растерянно, и получилось, как будто он у Лапшички своей разрешения спрашивает. – Он любит такие безделушки.

– Особенно, когда отдают почти задаром, – натянуто усмехнулась Лапша и милостиво разрешила. – Позвони, Мокренький, позвони. Вот прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, позвони.

Вор взялся за телефон.

– Жмот, кати к нам, – Мокрый постарался придать голосу побольше беспечной веселости. – Есть фартовый⁶ товар. Как раз по тебе. И бабки⁷ захвати. Бабки-то у тебя есть? – услышал ответ Жмота и показал Лапше большой палец, мол, все в порядке, при бабках. – Да не бойсь! Товар что надо! Увидишь – закачаешься!.. Нет, никому еще не звонили... Да, зуб даю! Только что с дела... Никакого хвоста!.. Я что, фраер зеленый?.. Да не тяни ты резину. Если бабок не имеешь, – ударил по больному месту, – так и скажи. Я сейчас по-быстрому Роботу или Вешалке брякну. Они посмелее тебя, и не жмотятся, как некоторые... Ну-ну, пошутить нельзя?.. Даю тебе полчаса. Не приедешь, звоню другим... Ах, не звонить? Сам едешь?.. Давай пулей, ждем!

Он положил трубку и вытер вспотевший лоб рукавом.

– От жадности голос дрожит, – передал настроение покупателя.

– Жмот и есть Жмот, – презрительно буркнула сквозь сжатые губы Лапша.

– Иди, накрывай на стол, – попросил Мокрый, – гостя приветить нужно. На сытый живот и разговор оживет.

– И не говори! – метнулась к холодильнику воровка.

⁶ Выгодный товар

⁷ деньги

А в это время маленький сыщик сидел под полом и раскидывал мозгами.
Как начать борьбу?

Воры его пока не раскрыли, хоть Гош и был на волосок от провала. Это хорошо. Прямой поединок с ними не подходит – слишком не равные силы. Вот это уже плохо. Мокрый только что показал свое физическое превосходство. Не будь на пути к форточке спасительной шторы, не сидел бы сейчас здесь Гош и не думал бы свои головоломные думы.

– Каждый человек имеет слабые места, – придумалось Гошу. – У воров таких мест еще больше. Они боятся.

Мысль Гошу понравилась, и он принялся развивать ее.

– Да, кстати? Чего они боятся? – сыщик приготовился загибать пальцы. – Лапша боится своей тени. Только что сама призналась. Мокрый боится ареста. Еще неудачи. Боится огласки. Жучка. Слежки.

Гош не может просто пойти и арестовать их – нет для этого у него ни сил, ни власти. Но попортить врагу кровь, попугать его – это он запросто! Главное – посеять в стане воров панику.

– Что там Лэн про войну рассказывал? Когда они оказались в глубоком тылу без оружия, патронов и командиров? А враг сильный и его голыми руками никак не возьмешь? Собрались в отряд и ушли в партизаны! А почему они так поступили? Потому что знали – с партизанами ни одна самая сильная армия мира вовек не справится!

И здесь, в тылу воровского врага, даже почти в его логове, Гошу лучше всего подойдет тактика партизанской войны.

– Буду им мелкие пакости делать, – решил Гош и даже первую тут же, не сходя с места, придумал.

Размышления Гоша прервали сначала протяжный звонок, потом торопливые шаги Мокрого и скрип открываемой двери.

– Жмот прикатил, – крикнул он Лапше, и раскрыл объятия навстречу маленькому сухонькому дядечке пенсионного возраста.

Прибывший был сбытчиком краденого.

Он скупал у жуликов ворованные вещи оптом, то есть кучей, все сразу, но за бесценок, а перепродавал втридорога, наживаясь на разнице в цене. Как делают это некоторые многие жадные владельцы магазинов.

А еще он помогал вора и другим даже честным людям, попавшим в трудное материальное положение. Давал деньги займы под большие проценты. Как делают это банки. Только банки прикрываются лицензией и мощью государства, а Жмот всего лишь мощью преступного мира, в чем, для простых людей, по существу, нет разницы.

У него не зря была такая кличка, – торговался за каждую копейку. К нему обращались только тогда, когда товар был с «душком», то есть подозрительный, конфискованный, отписанный в розыск. Или в спешке. А еще всякая воровская шантрапа – Малявки, Пескари, Пискуны⁸. Настоящего воровского авторитета, хоть и старенький уже, у Жмота не было. Опять же из-за его излишней жадности. Но ему очень хотелось занять почетное место в преступном мире.

– Ну, где твой товар? – Жмот отстранился от наигранных объятий Мокрого, потянул длинным носом квартирный воздух. – Чего-то я не сильно запах наживы чуюствую! – Он специально так слово красивое исковеркал, чтобы больше на своего, на блатного, походить. – Не насвистел, случаем?

– Да ты что, Жмот! Как можно? Такому уважаемому человеку и свистеть?! Вот, смотри, полные сумки!

Лапша появилась в дверном проеме кухни. Вытирая руки о передник, расплылась в приветливой улыбке.

– Выбирай на вкус и цвет! Сорт самый наивысший, чистенький да свеженький! Без душка и подпалинки! – расхваливала базарной зазывалой.

У Жмота при виде такого богатства даже руки затряслись. Они с Мокрым устроили самый настоящий торг. Уселись на полу друг против друга, поставили рядом огромные сумки. Мокрый запускал руку в темную глубину, вытаскивал ту или иную вещь и спрашивал:

– Сколько дашь?

Жмот обнюхивал вещь, пробовал ее на зуб, мял, рвал и, вытянув шею, в свою очередь интересовался:

⁸ Начинающие или случайные воришки

– Сколько просишь?

Мокрый называл явно завышенную цену.

– Ты с ума сошел? – тарачил глаза Жмот. – Она и половины не стоит!

– Не быть тебе в людях, – качал головой Мокрый. – Так на мелочевке и сгниешь.

– Неверно ты говоришь, – обижался Жмот. – Ты украл, скинул товар и чист. Придут к тебе, скажем, «товарищи» в форме.

– Типун тебе на язык! – ударил его ладошкой по плечу Мокрый.

– Это я к слову, – пояснил Жмот, вытягивая вперед скрюченный указательный палец, – всего лишь как предположение. Так вот, скажем, придут к тебе гости незваные. Прошмонают всю квартиру и вдоль, и поперек. А нету у тебя наворованного! Ручку под козырек – извините, мол, дорогой честный товарищ, ошибочка вышла, ложный донос на вас поступил. И гуляйте, мусорки, на все четыре стороны.

– И пусть гуляют! – поддержал Мокрый, махнув рукой в сторону входной двери.

– Я больше тебя рискую! – втянул маленькую голову в плечи Жмот.

– Ох, куда ты загнул! Ну и насмешил! – Мокрый громко засмеялся. – Он, видите ли, больше остальных рискует.

– А ты как думал? Товар ко мне переходит не просто так! Я его покупаю за свои собственные денежки. И за это еще риск твоего ремесла в придачу получаю.

– Так я тебе в четверть цены отдаю! За риск твой плата с меня прямиком тебе в карман идет. Это тоже учитывать надо!

– А если я сторю на твоём товаре? – жалобил Жмот. – Срок кому вляпают? А мне впают, мне на нарах париться!

Мокрому надоел бесконечный базар. Он уж точно знал – дай Жмоту вволю поболтать, можно не один день проторговаться. А с кухни ой как аппетитно пахнет жареными колбасками!

Он поднялся, вывалил из всех сумок вещи горой на ковер и сказал, как отрезал.

– Давай, мы с тобой по-мужски решим!

Жмот немного струхнул, – не зашел ли он далеко в своей жадности? Вдруг Мокрый переживает с ним дела иметь и больше ничего не продаст? Он готов был пойти в задпятки и дать вору требуемые им деньги, но Мокрый неожиданно показал чудеса щедрости.

– За всю эту кучу даешь пару «кусков» сейчас же! Или пошел вон! Я другому товар сдам. Пять минут на раздумье!

– По рукам! – спешно согласился Жмот. Еще секунду назад он готов был купить все наворованное за три куска!

Со стороны посмотреть – так он словно ждал такого делового разговора, специально затягивал минуту расчета, чтобы продавец сдался на его милость и сделал именно такое выгодное предложение.

Жмот достал деньги из-за пазухи, отсчитал положенные два куска и торопливо запихнул все сторгованные вещи в свою необъятную сумку. Приподнял, кряхтя, весомую ношу, – приятная тяжесть наполнила душу теплой радостью.

Лапша подслушивала за дверью и, как только расчет был произведен и деньги перекочевали в карман Мокрого, вышла из кухни.

– Сговорились?

– Ага! – закивал счастливый Жмот. И повел носом, потому что следом за Лапшой прилетели новые аппетитные запахи.

– Прошу к столу. Закусить и обмыть удачную сделку надо. Так промеж деловых людей полагается, иначе удачи не видать!

Гошу медлить больше нельзя. Деньги за награбленное воры получили, вещи купцу загнули. Унесет он их из дома, потом ищи свищи по всему городу!

Пора действовать.

Пока жулики веселились на кухне, произносили тосты, хвастались удачными делами, Гош опустошил сумку Жмота. Мелкие вещи утащил под пол, в свое хранилище, а крупные растолкал по углам. В сумку же, чтобы никто не заметил пропажи, напихал разного барахла: газет, пустых бутылок, тряпок – всякого ненужного барахла, попавшегося под руку.

А потом взял и вооружился.

Листом бумаги и будильником.

Из бумаги сделал рупор. Будильник заставил звонить.

Мокрый подбежал к двери.

– Кто там?

А Гош в свой бумажный рупор как закричит со всей страшной партизанской силы!

– Это милиция! Мы ищем двух воришек, у них клички Мокрый и Лапша. Не знаете таких?

– Не знаем! – поспешил ответить Мокрый, а у самого зуб на зуб не попадает. – Здесь нет таких.

– К ним еще Жмот завалился, это такой воровской купец. Он пришел купить сворованные вещи! – глубокими познаниями воровских секретов нагонял страху Гош. – Два куска с собой принес. Не видели такого?

Теперь все трое жуликов толкались около двери.

– Выследили, – дрожал Мокрый.

– Подставил! – Жмот схватил Мокрого за горло.

Лапша одна сохранила трезвость ума. Перво-наперво деньги, полученные от Жмота за товар, спрятала, – сунула их незаметно под скатерть. Потом без паники прислушалась, а голос-то знакомый! И не из-за двери доносится, – снизу, из-под пола идет.

Выглянула в глазок – на площадке пусто. Открыла дверь, успокаивает своих подельников:

– Смотрите, нет никого!

– Ну и спектакль вы мне устроили! – облегченно вздохнул Жмот и вытер рукавом вспотевший лоб. – Я же по-настоящему поверил! Я же хотел уже и от вещей, и от сумки отказаться, только чтобы не при делах быть. Мол, случайно зашел, чаю попить.

– На нас все повесить задумал? – нахмурился Мокрый.

– А что ты хотел от старика? – прогнусавил Жмот. – При большом шухере каждый за себя радеет!

После такой встряски уже не до стола с угощениями.

Воры проводили напуганного «купца». Но расставание с ним было недолгим. Он влетел в квартиру, едва не выбив дверь.

– Вы что мне подсунули? – кричал, вытряхивая барахло из сумки. – Это, по-вашему, честная сделка? Это по воровским законам так делается?

– Ты что, Жмот! Очухайся! – отступал под напором купца вор. – Мы честно с тобой поступили. Это ты нас крутануть захотел. Вещи кому-то передал, а нам картину гонишь⁹!

⁹ Придумываешь несусветное

– Я картину гоню? Я? – стучал кулачком в свою грудь Жмот.

– Ты! А кто еще?

– Да я не успел еще до первого этажа дойти, открыл сумку, а там... Что это? – Жмот показал на кучу барахла. – Да я за рубль бы все это не взял! А вы с меня два «куска» стянули! Отдавайте деньги!

– Отдавай товар! – в свою очередь потребовал Мокрый.

– Теперь я понял, зачем весь этот спектакль был разыгран! Чтобы я удрал без оглядки, а с вас взятки гладки!

Завязалась драка.

И той и другой стороне досталось крепко: фонари под глазами, выбитый зуб на ковре, оцарапанный нос и прокушенный палец.

Когда совсем обессилили, пришлось время мирно разбираться.

– Жмот, ты подумай, – отдыхался как паровоз Мокрый, – зачем нам тебя дурить? Я тебя раз обдурю, ты славу обо мне повсюду разнесешь. От меня все «купцы» отвернутся. Кому я буду товар сплавлять? Ты же знаешь – вор без купца пропадет.

– Пропадет, – подтвердил Жмот. – Ты воруешь, я продаю.

– Так зачем мне себя губить?

– А зачем ты меня обманул?

– Да не обманывал я! Ты своими руками каждую вещь прощупал, своими глазами осмотрел и в свою сумку упрятал. Мы с тобой на кухне вместе сидели, Лапша от нас ни на шаг не отходила. Кто мог подменить? Кто мог обмануть? Хочешь – обыщи всю квартиру. Не съел же я их!

– И обыщу! – вытирая пострадавший нос, шмыгнул Жмот.

Квартиру обыскали, кое-что из вещей нашли и вернули, но не помирились.

Жмот, уходя, сказал в сердцах:

– Не знаю, кто устроил этот фокус, но я с тобой, Мокрый, дел больше иметь не буду.

И сильно хлопнул дверью.

«Сначала хотел я сдать их милиции, – потирал руки Гош, – теперь вижу – рано это делать. Сдам одних – останутся другие. И продолжают свои черные дела. Раз уж повезло попасть мне в самое воровское гнездо, постараюсь узнать всех, кто вхож сюда, перессорить их, разорвать преступные связи. А уже после этого сдам милиции, – всех разом. Какой же я сыщик, если всю грязную работу на чужие плечи перекладывать стану? Адреса, телефоны, явки, клички – все сам выявлю».

Он нашел в квартире тетрадь, карандаш, вывел каракулями на обложке:

СЫЩИК ГОШ.

ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ

Открыв первую страницу, записал:

«25 мая. Мокрый и Лапша обчистили квартиру. Адрес точный не знаю, можно спросить у Сава, он сбегает, вывеску на доме посмотрит. Вещи продали Жмоту. Мокрый получил два «куска», вещи я конфисковал. За это Мокрый дополнительно получил в глаз, а Жмот доплатил выбитым зубом. Глаз заплыл и остался у Мокрого. Зуб прилагается в качестве вещдока¹⁰.

*А потом они вещи у меня назад конфисковали. Но не все.
А я у них еще деньги забрал и спрятал. Оба куска.
Жулики поссорились.*

¹⁰ Вещественное доказательство

По данным разведки в шайку входят:

Мокрый – вор.

Лашиа – воровка.

Жмот – «купец», скупщик краденого.

Вешалка – личность пока не установлена.

Робот – тоже пока не установлен.

Словесный портрет Мокрого и Лашии не нужен, прилагаются их портреты с натуры (сам рисовал). Словесный портрет Жмота – в конце тетради».

Рукой за ухом почесал и умную мысль обнаружил.

– Одно звено разорвано, – радовался первым успехам Гош. – Я верно выбрал направление работы!

А потом перечитал свои записи и другую мысль родил.

– Так я могу книгу о себе сочинить. Детективную! Ну, про то, как я с жуликами боролся! Или писателю отдам свои записки, и он все как положено, грамотно и весело пропишет. Надо только не лениться, каждый день своей работы описывать.

И стану я знаменитым!

Как Шерлок Холмс. Или комиссар Мегрэ...

Глава третья Первый день войны

С уходом Жмота жизнь воров спокойнее не стала.

Мокрый сердился. Он мерил нервными шагами комнату и вдоль, и поперек, непрерывно трепал и без того взъерошенные волосы, безжалостно хлопал себя по бедрам и бурчал под нос понятные только ему одному нехорошие слова.

Лапша, в отличие от Мокрого, действовала. Она несколько раз выходила в коридор – осмотрела замки, подергала цепочку. И все на пол косилась. Даже легла один раз и ухо к циновке приложила. Вынюхивала что-то, выслушивала. И все жалела, что не может в досках дыру проделать и рукой под полом пошарить.

Что она надеялась там найти, Лапша еще не определилась. Но то, что опасность там прячется, – она женским нюхом чуяла.

А что же Гош?

Сыщик умнел на глазах.

Он второй раз за день увлекся длинными речами, и второй раз позволил себя засечь.

– Вывод? – задал он пыливый вопрос самому себе.

– Будь краток, – подсказала разумная половинка головы.

– Легко тебе так рассуждать: «будь краток!» А если у меня накипело? Если я им речь на целый воз и маленькую тележку приготовил?

– Ты не речи говори, а реплики.

– Это кто такие?

– Это короткие предложения из одного или трех слов. И не больше, – разжевывала рассудительная половинка.

– Крикнул и затих?

– Крикнул и перебежал на другое место.

– Ага! Огневую позицию поменял, – вспомнил Гош наставления из книги.

– Сразу двух зайцев убьешь.

– Так у меня пока ни одного нет.

– Это присказка такая! – растолковала умная половинка головы. – Ты и врага в заблуждение ввел. Он кинется на голос, а там пусто. С другого места в него репликами пуляют. И сколько вас, стрелков таких, пусть сто лет гадают.

– Заметано, – принял на вооружение Гош.

– А еще лучше – записками их пугать.

– Записка – это ружье или граната? Как ей напугаешь?

– Чем больше вокруг непонятного, тем больше в их головах страха.

– И что я в тех записках пропишу?

– А не важно, что ты им напишешь. Важно, что вдруг откуда ни возьмись, в доме записка появилась. Даже такая: «Привет! Как дела? Погодка сегодня хорошая.» Страшно?

– Вообще-то, не очень, – почесал макушку Гош.

– А ты себя на место жуликов поставь! Дверь заперта, воры напуганы. И вдруг откуда-то...

– А-а-а! Тогда страшно! – согласился Гош и вооружился карандашом и бумагой – записки сочинять.

Уже перед сном Лапша про деньги вспомнила, про два куса жмотовских. Сунула руку под скатерть, а там пусто. Все потайные места осмотрела, все воровские закладки вскрыла – нигде нет.

Мокрый, разомлевший от сытого ужина, развалился в кресле. Воровка встала перед ним – руки в бока.

– Ты деньги не брал? – спросила в последней надежде.

– Не брал, – подельник не выказал никакого беспокойства.

– Пропали! – раскололась воровка и взмахнула как крыльями своими руками.

Мокрого пулей выкинуло из кресла.

– Думаешь, Жмот стянул? – заглянул в намокшие глаза своей подруги.

– Нет, – отвергла обвинения в адрес купца Лапша. – На него я как раз и не думаю. Он

в эту комнату не проходил.

– А кто проходил?

– Никто! Ты да я!

– Я не брал.

– И я не брала!

Еще раз вместе прошерстили всю квартиру – денег не было.

Мокрый так намучился за день, что махнул на все рукой.

– У тебя не в первый раз пропадает, – напомнил он Лапше. – Начнешь уборку в квартире делать и найдешь. Раньше всегда находила.

– Всегда находила, – эхом повторила воровка, но в этот раз в ее голосе прежней уверенности не было. А была растерянность вперемешку с испугом...

Ночью, когда все честные и не очень честные граждане спали глубоким сном, новоиспеченный партизан Гош сделал очередную партизанскую вылазку в квартиру жуликов.

На этот раз он долго и тщательно спланировал операцию, вспомнил книги, которые они читали еще у сказочника.

– Войну выигрывает тот, кто к ней серьезно готовится, действует не абы как придется, а заранее обдумывает свои шаги и возможные ответы противной стороны.

Именно по заветам старых вояк, Гош не кинулся в бой сломя голову, а сначала отправился на поиски необходимого для задуманной операции снаряжения.

В сером полумраке квартиры отыскал он из полезных вещей только катушку ниток да иголку. Не густо, это он и сам понимал. Планы пришлось менять на месте.

– Не буду отступать, – убеждал он себя. – Не буду паниковать.

Никто мне на блюдечке ничего не поднесет. Просто, в следующий раз буду еще лучше готовиться.

– Кто мешал днем перевернуть квартиру? – спросила у него умная половинка.

– Никто.

– Испугался выдать себя?

– Было такое дело, – честно сознался Гош.

Некоторые после такого бурного дня, особенно когда были на волоске от гибели, пожалуй, с неделю бы отлеживались! А он и дня не отдохнул. Нельзя вора́м давать передышки! Пусть у них земля горит под ногами!

– В руках партизана и палка – грозное оружие, если ударить из-за угла и по больному месту.

– В моих руках есть иголка, и есть нитка. Можно сказать, что это очень мало. И с чистой совестью пойти спать – никто меня не видит и никто меня не осудит. А если кто-то потом прочитает эту историю, проникнет в мои потаенные мыслишки? Что он обо мне, великом в будущем сыщике Гоше, подумает? Трус? Лодырь? Нет! Я скажу так: иголка и нитка в опытных руках – это очень много. И пойду воевать!

Несколько часов трудился сыщик, осваивал новые для себя профессии портного и вязальщика. Только с восходом солнца, истратив последние метры ниток, а с ними и последние силы, отправился отдыхать.

Но отдохнуть ему не удалось.

Не успел он первый сон увидеть, как его разбудили ругательные крики проснувшихся воров.

– Лапша! Век воли не видать! – брызгал слюной Мокрый. – Ну-ка размотай меня побыстрому!

– Мокрый! – старалась перекричать его Лапша. – Прекрати дурью маяться! Сейчас же освободи меня!

Пальцы рук и ног Мокрого были густо замотаны нитками. Чем больше он дергался, пытаясь высвободиться из пут, тем сильнее затягивались хитрые узелки. Некоторые пальцы от этих дерганий налились кровью, стали фиолетово-синими.

Мокрый не на шутку встревожился. Здоровые и ловкие руки для него – главное оружие производства. Да и ноги ему тоже целыми нужны. Вору убежать часто приходится. Он не жалел резких слов в адрес своей подруги, призывая ее то к ответу, то на помощь.

Но и Лапше было не легче. Кто-то прочно пришил ее ночную рубашку к матрасу, а матрас к одеялу. Как ни крутилась Лапша, выпутаться не могла. Хоть с матрасом за спиной ходи, на одеяло босыми ногами наступай.

– Я тебе помогу, обязательно помогу, – обещала подруга по несчастью, – но только после того, как ты меня освободишь!

Так они прыгали по спальне: один скрюченный путами, с руками, привязанными к ногам, ни дать ни взять лягушка-посакаушка. Другая, – накрепко зашита между матрасом и одеялом, – многослойный бутерброд с говорящей начинкой.

Мокрый раз десять упал, пока допрыгал до кухни. Схватил зубами нож, перерезал тонкие нитки. Еще минут пять возился, высвобождая непослушные пальцы. Наконец, он был свободен.

– Меня, меня распутай! – клянчила Лапша.

Мокрый обошел вокруг нее раз, другой, потрогал матрас, подергал одеяло, помахал перед носом воровки огромным ножом.

– Интересный шов, скажу я тебе, – издевался Мокрый. – Никогда раньше такого не видел. Как-то ты квалификацию порастеряла на всем готовеньком.

Лапша боязливо смотрела в горящие злостью глаза Мокрого, смотрела на зеркальное лезвие острого ножа. Голос ее из сильно требовательного враз перешел в мягко просительный.

– Ну, распутай меня! Ну, Мокренький!

– Вот как только признаешься, зачем ты этот маскарад устроила, – выдвинул свои условия Мокрый, – так сразу на свободе окажешься.

– Ты очумел? Думаешь, это я тебя связала? – искренне возмутилась Лапша.

– Тут и думать нечего. Нас в квартире всего сколько? А двое, ты да я. Дверь, как я успел заметить, и на замке, и на цепочке. Если это не я, а это точно не я – уж я то в здравом уме и твердой памяти! Значит кто?

– Кто?

– Значит – ты. Не буду же я сам себя связывать?

– А я, по-твоему, буду сама себя пришивать?

Мокрый на минуту задумался. Такая простая мысль в его голову еще не приходила. Он совершил маленькую ошибку – позволил мысли удобно расположиться и занять главное место в длинном, но не очень глубоком ряду его умозаключений.

– Ты? – переспросил. – Сама себя? – переспросил. С минуту подумал и вынужден был согласиться. – Нет, не будешь.

– Ты когда соображать начнешь? – Лапша, увидев, что ее мысль произвела в Мокром смену настроения, надела на него. – Предположим, это я тебя запутала. Подумай, как бы я сама себя так зашила?

– А если бы я тебя зашил, как бы я сам себя так запутал? – робко попытался оправдаться сникший Мокрый.

Как ни хотелось ему признавать правоту Лапши, но деваться некуда. Распорол он швы, освободил воровку и от матраса, и от одеяла.

Примирившись, сели они рядышком, стали думу думать. Но в головы никаких разумных объяснений не лезло.

– Если это не ты и не я, значит, нас кто-то чужой связал, – придумал, наконец, Мокрый.
– Точно! – сразу догадалась и Лапша. – Надо его найти.

И отправились они на поиски.

И в кладовки заглядывали, и в шкафы. Под стол и под диван совали нос. Даже на антресолях смотрели.

Никого.

А когда уже совсем отчаялись, удача сама к ним в руки пришла.

– Есть! – закричала находчивая Лапша.

Это она не чужака обнаружила, это она записку увидела. Маленькую такую, к зеркалу кем-то прикрепленную.

Я – ваш кошмар. Прекратите воровать. Партизан Гош

– Что делается? Что делается? – сокрушался Мокрый. – В собственном доме спокойя нет!

Лапша не паниковала. Лапша думала. Записку изучала. Почерк анализировала. Потом внимательно рассматривала стежки, которыми ее к матрасу пришивали. И, наконец, долго ползала по полу – и в спальне, и в комнате, а особенно в коридоре. Пыль нюхала, линейкой что-то измеряла, чужие следы выискивала.

– Нашла что-нибудь? – приставал к ней Мокрый.

– Пока ничего определенного сказать не могу, – задумчивости в ней было на троих. –

Но... – оглянулась по сторонам и перешла на шепот, – я вот что думаю.

– Что? – Мокрый тоже оглянулся, хотя точно знал – дома кроме них никого нет.

– Помнишь, нашу последнюю квартиру? Когда нас голоса пугали?

– Как не помнить! Еще дубинкой в лоб поцеловать обещали!

– А потом такой же голос из твоей сумки нам речь толкал?

– Ага, уже в нашей квартире.

– И Жмота напугал.

– Точно, тот же полудетский голос!

– Так вот что я тебе скажу, – Лапша подперла щеку кулачком, медленно выговаривая слова, призналась Мокрому. – Мы его с собой принесли!

– Голос?

– Голос или того, кому этот голос принадлежит.

– Но я все вещи вот этими руками проверил и перепроверил!

– Вещи ты проверил, – подтвердила Лапша, – я своими глазами видела. Только... Что мы искали?

– Жучка искали. Микрофон, пуговицу или кнопку.

– Или он слишком хитрый, и успел раньше удрать, или...

– Или? – Мокрый вытянул шею. – Ну, говори, что ты придумала?

– Кто-то объявил нам войну. Мстит.

– За что?

– А кто знает? Может, мы лично его обидели. Или его близких родственников обокрали. Только чую, следил он за нами с той злополучной квартиры, потом как-то в наш дом проник.

– С какой целью?

– Не знаю пока. Может, чтобы вернуть свое... – Лапша только теперь поняла, что не это главное в поступках неведомого ей Гоша. – Или он дальше метит?

– Мне кажется, – робко вставил слово Мокрый, – это какая-то детская шутка.

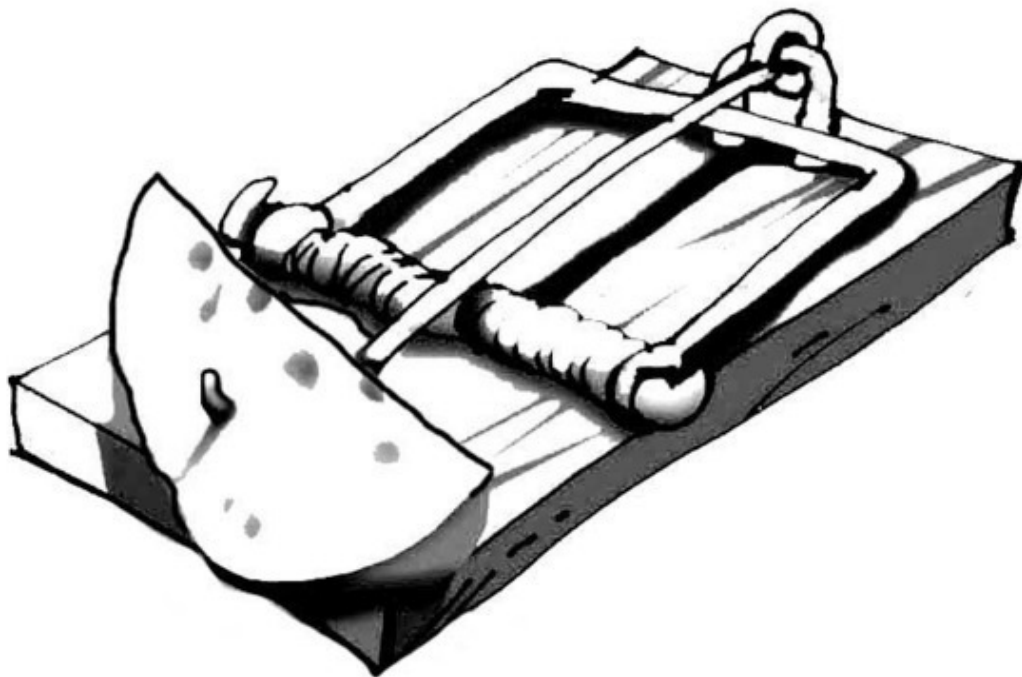
– Посмотрим-посмотрим, – продолжала думать Лапша. – Сходи-ка ты в магазин, купи мышеловку. Нет, купи десять мышеловок, – о чем-то немного догадалась она. – Мышеловки – самое верное средство от квартирных партизан.

– А, может, капканов достать? Они надежнее.

– Капканы только охотникам продают.

– Или заминировать все подходы к нашей квартире? – размечтался Мокрый.

– Мин в мирное время днем с огнем не сыщешь, – опустила его на землю Лапша. – Мина не только вредных партизан взрывает, она еще и полезные квартиры в щепки разносит. Попробуем сначала мышеловкой обойтись.

– Ты умная, тебе виднее, – сдался Мокрый.

– Давай обязанности делить. Ты, мужчина, занимаешься обороной...

– Согласен, – взял под козырек Мокрый. – Я займусь обороной.

– А я, женщина, тыловым обеспечением.

– Убегаешь в тыл?

– Глупый ты! – потрепала его по волосам. – Продукты пойду запасать. Для тебя, в том числе. На случай полной партизанской блокады всех входов и выходов.

Не прошло и минуты, а получивший задание Мокрый уже хлопнул дверью и улетел обеспечивать оборону.

Ответственная за тылы Лапша запаслась пакетами и пошла в продуктовый магазин.

Гош только этого и ждал.

В отсутствие хозяев можно в деталях изучить жилье. Он умнел на глазах. Одно из главных правил всех шпионов и разведчиков – хорошо знать место, где тебе жить и работать предстоит. Потому он старательно ползал по квартире, запоминал расположение комнат, мебели, ножек шкафа, стола и стульев – если придется убежать, чтобы и в темноте не запутаться. Особое внимание уделил закуткам, в которых можно временно укрыться от погони или устроить партизанскую засаду.

Первой пришла заготовленная Лапша. Принесла много продуктов и надолго зависла на кухне. Надо все растолкать по холодильнику и шкафам, да и обед с ужином пора готовить.

А Гош рисовал в своей тетради подробный план квартиры, указывая расстояния на чертеже в быстрых и нормальных шагах. Быстрые, это когда бежишь, и шаги твои похожи на прыжки с разбегу, а нормальные, это когда спокойно идешь и можно даже по сторонам поглазеть.

Веселье началось, когда Мокрый пришел.

С покупками.

Сначала воры учились мышеловки на боевой взвод ставить. Половину пальцев себе прищемили. Потом долго решали вопрос о приманке.

– Мышей ловят мышеловкой на сыр, – это Лапша знала точно.

– Рыбу ловят рыболовкой на червяка, – не к месту вставил Мокрый.

– Какую рыбу? – опешила Лапша.

– Речную.

– При чем тут рыба?

– Ну... это... я просто так сказал, к слову.

– Балбес! – поставила оценку его пустопорожней болтовне подруга.

– Я больше не буду, – повинулся Мокрый. – А партизан, как ты думаешь, на что ловят?

На колбасу?

– Если они сильно голодные, на колбасу запросто пойдут, – согласилась Лапша.

– А если сытые?

– М-м-м... Сытые? – задумалась на мгновение. – Сытые лучше на взрывчатку клюют.

Им же надо чем-то поезда под откос пускать.

– Только как угадать – сытые они сегодня или голодные? Вот ты, на что бы ты клюнула? – задал подленький вопрос Мокрый.

– Я бы на конфеты клюнула. Шоколадные... С темной начинкой... Или на мармеладку! – смутилась Лапша.

– Давай, в каждую мышеловку свою приманку положим, – созрела в голове Мокрого гениальная идея. – Глядишь, и угадаем. В одну – сыр. В другую колбасу. В третью можно конфету сунуть. А в четвертую деньги подложить.

– Только немного, рублей сто, а то мы сами на мели.

– Жаль, что у нас взрывчатки нет, – пожалел Мокрый.

– Я знаю, как взрывчаточную приманку сделать! – обрадовала его Лапша.

– Как?

– Мы завернем в бумагу стирательный ластик, а сверху напишем: «Осторожно! Взрывчатка!» Партизан полезет проверять, тут мышеловка и захлопнется.

– Молодец! – похвалил Мокрый и тут же задал каверзный вопросик. – Ночью да в темноте надпись не разглядеть.

– Точно! Как это я сама не догадалась? – почесала нос Лапша. – А мы ее на открытом месте поставим! Во! Тебя все время раздражает луч прожектора, который в окно светит. Вот пусть разок в нашу пользу поработает.

– Еще бы партизан грамотным оказался

– Не бойся, в наше время все грамотные. И партизаны, и даже вон кошки с попугаями. Приманки разложили.

Мышеловки расставили по углам.

– Утром проверим – на что квартирные партизаны клюют, – сказал Мокрый, засыпая.

Глава четвертая

На новом месте

Пока воры с мышеловками возились да вечер в бездельном отдыхе перед экраном коротали, Гош время зря не терял. Он свое новое жилище обустроивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.